

Артур Финч

История Бобо

Повесть

Ну, так вот

Наш двор был усыпан камнями. Такими, знаете, небольшими, гладкими, как на пляжах в Сочи или Туапсе. Их привезли еще до моего рождения, так что эти камни — главное воспоминание о доме. Мама говорила, что в детстве я обожал ходить по этим камням, говорит, мог целыми днями шастать туда-сюда, слушая, как камешки стучат друг о друга.

Мне, как и каждому человеку на свете, было 8 лет, и я был веселым, очень подвижным малым, постоянно влезающим туда, куда можно было не соваться вообще. Как и мой брат, Макс. Ему было 14. Знали бы вы, как я боялся, что он может превратиться во взрослого, я просто с ума сходил. Серьезно, так ему и говорил:

— Если ты, Макс, станешь взрослым и перестанешь играть со мной, я тебя убью.

А он смотрел на меня, словно думал «во дурака кусок», и отвечал, что никогда не собирается становиться взрослым.

— Ладно. — успокаивался я.

Мама у нас была что надо, можете мне поверить. А как она готовила! Шик, других слов я подобрать не могу. Ладно, шик и блеск! Два слова. Бывает, сядешь за стол, навернешь салатика с жареной курочкой, смотришь вниз, а ног-то и не видно из-за полного живота. Но все равно продолжаешь есть, потому что шик и блеск!

Батяня тоже был классным, он напоминал того парня, который неудачно бросил кости и оказался замкнутым в джунглях, которые находились внутри настольной игры, помните? Не мальчишку сопливого, а того, что вернулся через 26 лет, только без бороды. Бород батя терпеть не мог. Говорил, это жутко негигиенично, а по мне, так у него просто она никогда нормально не росла.

У нас был двухэтажный дом и просторный двор, усыпанный камнями, я говорил, помните? Дом этот когда-то принадлежал моему деду — отцу моего батяни. Дед был тем еще чудачком. В жизни он многого достиг, ну знаете, вырастил сына, построил дом, посадил дерево и умер от рака крови. Последнее он, вероятно, не планировал, но, как любила говорить моя бабушка, отправившаяся вслед за дедом через месяц, пути господни не... ну, что-то такое, она тоже была странной.

На заднем дворе у нас рос здоровенный дуб. Огромный великан с большим дуплом, которое казалось мне тогда чьим-то слепым глазом. Раньше в дупле жили осы, но батяня придумал способ их выгнать. Сначала у него ничего не получалось и некоторое время батя лежал на диване, распухший от укусов. Но, в конце концов осы исчезли, оставив после себя большое красивое гнездо. Я хотел было повесить его у себя в комнате, но Макс связал мне руки и закрыл на кухне, а сам принялся цеплять гнездо у себя над кроватью. Сукин он сын, как говорят крутые парни в не очень крутых фильмах. Но батяня, увидав, что Макс вычудил с гнездом чуть не грохнулся в обморок, ага, серьезно, чуть не упал, увидев гнездо над кроватью.

— У тебя что, совсем мозгов не осталось? — спрашивал он, аккуратно снимая гнездо. — Они могут прилететь обратно.

— Такого не бывает. — отвечал Макс, не желая прощаться с гнездом.

— Бывает. Мне лучше знать.

И вот, когда дупло освободилось, мы с Максом подумали, что это просто замечательно, просто шик и блеск. Во дворе мы набирали полные карманы камней, а потом уходили за дом и швыряли их, стараясь попасть в дупло. Парочка дней — и эта

круглая дыра в дереве наполнялась до краев, и нам приходилось выгребать все камни на землю. Камней возле дерева становилось все больше, и я думал, что это здорово, потому что больше не придется ходить за ними во двор.

Однажды батяня увидел, что вокруг дупла практически не осталось коры, а само дупло набито камнями.

— Это еще что такое?

— Мы кидаем камни, — сказал я, — берем камни во дворе и стараемся попасть прямо в дупло. Только и всего.

Отец нахмурился.

— А вы знаете, что это дерево посадил ваш дедушка?

— Но, пап, что ему делается от камней-то?

Я кинул камень в дерево и тот, стукнувшись об него, упал на землю.

— Видишь?

Батяня ушел, ничего на это не ответив.

В другой раз, когда мы с Максом занимались тем же, подошла мама. Она не стала хмурить бровей, а просто стояла и смотрела так, словно ничего интереснее в жизни не видала.

— Мам, — говорю, — а ты знаешь, что это дерево посадил наш дедушка?

Она засмеялась, опять-таки, словно ничего смешнее никогда не слышала.

— Это кто тебе такое сказал?

— Папа сказал.

— Этому дубу, — говорит мама, улыбаясь, — больше лет, чем твоему отцу и дедушке вместе взятым.

С тех пор я стал по-другому относиться к дубу. Он казался мне стариком, который видел даже то, как появился мир. Я кидал в него камни, стараясь целиться тщательнее, чтобы лишний раз не сбить кору и не ранить его.

Однажды я занимался тем же, чем занимался всегда: кидал камни. Дупло уже наполнилось до краев, а возле меня еще лежало десятка три камней. И как же мне не хотелось идти и вычищать чертово дупло. Я сложил руки лодочкой и шепотом произнес:

— Дорогой, всемогущий Бог, умоляю, сделай так, чтобы все эти камни в дупле куда-то исчезли. Пожалуйста! Аминь.

Я взял два больших камня в руки, приготовившись бросать, как только дупло освободится, но ничего не происходило. Вообще ничего. Я закрыл глаза, подумав, что Бог, может быть, стесняется, затем открыл их, но ничего не произошло, все осталось по-прежнему. Наверное, тогда я впервые усомнился в том, что Бог всемогущ.

Я снова закрыл глаза и произнес:

— Дорогой, всемогущий Бог, если тебе трудно убрать маленькие камешки, не мог бы ты сделать так, чтобы мама приготовила самый вкусный обед в моей жизни? — я добавил «аминь» и побежал в дом.

Зайдя на кухню, я понял, что бог снова меня слышит. Там пахло так вкусно, что мне хотелось кусать воздух. Мама стояла у плиты.

— Проголодался? — спросила она, вытирая руки о свой темно-синий фартук.

— Ага... слушай, ма...

— Чего?

— Никто не заходил? В смысле никто тебе в гости не приходил?

— Да вроде бы никого не было, а что такое?

— Ничего, — ответил я, понимая, что богу вовсе не обязательно приходиться лично. Он мог бы просто послать с неба мысль, а та попала бы прямо в голову моей маме.

Шик и блеск!

Истекая слюнями, я побежал в нашу с Максом комнату, чтобы не умереть с голоду, вдыхая аромат почти готовой жареной курицы.

Макс лежал на кровати и читал какой-то толстый журнал, на обложке которого был нарисован человек-паук.

— Чего это ты читаешь?

— Комиксы.

— Что?

— Бля, комиксы читаю. Не слышал никогда, что ли?

— Слышал, конечно. А тут Зеленый Фонарь есть?

— Нету. Здесь только Человек-Паук.

— И о чем там?

— Я пока только картинки смотрю. Потом читать буду.

— А где ты взял этот комикс?

— Андрюха дал почитать.

— Какой еще Андрюха?

— Ты все равно его не знаешь.

— Это который в очках еще?

— Ага.

— Ясно, а у него про Зеленого Фонаря есть комиксы?

— Про кого? Про Зеленого Фонаря? Не знаю, не думаю. Наверное, нету. А ты что, почитать хочешь?

— Не знаю, хотя бы картинки посмотрю.

— Он не даст так, в смысле, картинки только смотреть.

— А ты скажи, что я буду читать.

— Не знаю, посмотрим.

Макс хотел было снова вернуться к комиксу, но вошла мама.

— Кушать будете?

— Ага, — ответил я. А потом вспомнил, что этот обед должен быть самым вкусным в моей жизни.

Дальше

Все было хорошо, знаете. Ну, так хорошо, как может быть хорошо у простой, не слишком богатой семьи. Иногда мы вместе ездили на рыбалку, один раз ходили в поход и парочку — заглядывали в парк аттракционов. Мне покупали огромную сладкую вату, а Макс — соленый попкорн. Макс прекрасно знал, что я терпеть не могу соленый, и поэтому не стану просить у него, когда закончится сладкая вата.

Однажды мы, накатавшись по самое горло на разных аттракционах, просто ходили по парку, рассматривая эти великолепные машины, созданные для развлечений.

— Ничего себе! — воскликнул Макс, увидев какой-то аттракцион, который выглядел более чем скромно — два кресла, окруженные странной металлической конструкцией. Я сразу понял — меня туда точно не пустят. Вместо этого, мне просто купили банку колы, и я стоял, попивая напиток, и наблюдал как Макса пристегивают к креслу. Мама сказала ему, чтобы он держался крепче, а батяня смотрел на него, улыбаясь, словно гордился тем, что его старший сын не боится такой страшной штуки!

— Ху! — произнес Макс так, будто собирается выпить стакан водки, и мужик, стоящий рядом, нажал на кнопку.

Аттракцион загудел, кресло поднялось метра на два в воздух. Какое-то время ничего не происходило, а потом вдруг кресло начало вращаться, перекидываться и перекручиваться.

— Ничего себе... — прошептал я, глядя на маму. Казалось, ей совсем не страшно за своего сына. Отцу, видимо, тоже. Он по-прежнему улыбался!

Я подумал: «Великий, всемогущий бог, сделай так, чтобы Макс не сбрендил после этого». Так мне было страшно! А махина все вращалась и вращалась.

Когда она, наконец, остановилась, я старался не смотреть на Макса, боясь, что он превратился в желе...или в еще что-то страшное.

— Ничего себе! — воскликнул он совершенно обычным голосом. Его отцепили от кресла, и он встал, немного походил и добавил: — Круто.

Только тогда я, наконец, решился взглянуть на него. Можете не верить, но после всего случившегося, он выглядел совершенно нормально, так же, как и всегда. Он немного пошатывался, но на этом все...Тогда я подумал, что ничего не понимаю в этом мире.

То был хороший день, наверное, по большей части из-за того, что Макс не сошел с ума. Я был этому рад.

Когда я впервые получил двойку, я был уверен, что меня убьют. Я не знал, каким способом, но был уверен, что убьют. В школе меня все убеждали, чтобы я вырвал страницу с двойкой из дневника, говорили, что всегда так делают. Я хотел, честно хотел, но передумал. Я пришел домой, подошел к отцу и протянул дневник, не говоря ни слова. Он удивленно посмотрел на меня, открыл дневник, пролистал парочку страниц и спросил:

— Двойка?

— Двойка. — ответил я, готовясь к самому страшному — к смерти.

Внезапно отец рассмеялся и отложил дневник.

— Иди кушать, — сказал он, улыбаясь, — мама что-то приготовила.

Я удивился, но решил ничего не отвечать, опасаясь, что это какая-то ловушка, которую умеют расставлять только взрослые.

А вот Рита, моя соседка по парте сказала мне, что отец из-за двойки может ей так навалить, что и представить страшно. А иногда, говорила она, когда ее мама лежала в больнице, отец раздевался и делал всякие неприятные штуки. Я не очень понимал, о чем она, но суть я улавливал: двойка для родителей — это что-то вроде алой тряпки для быка...Но мои родители, похоже, были какими-то странными быками. Мой отец не стал меня бить, как бьет Риту ее папа, более того, он не стал раздеваться. Иногда я слушал рассказы Риты и думал, что буду стараться учиться хорошо. Так меня пугали ее истории.

— Однажды, — говорила она, делая такое выражение лица, словно ей больно, — однажды я получила двойку, совершенно случайно...Помнишь, когда я забыла листок с моим сочинением? Там тема была такая...кем работают твои родители, помнишь?

Я не помнил, но кивнул.

— Так вот... я пришла домой, а отец сидел на диване, злой, как демон, и смотрел передачу...о муравьедах, кажется...— она замолчала на секунду, будто вспоминая тот день, и шепотом продолжила: — я показала эту двойку, он злобно посмотрел на меня и сказал, чтобы я ложилась. Я легла на диван, знаешь...словно собираюсь спать, но папа притянул меня к себе и начал трогать...езде...

— Трогать? — удивился я.

— Ага, трогал ноги, спину и всякое другое. Он не кричал и не бил меня, поэтому я лежала, не двигаясь, чтобы не наделать глупостей. А потом...

Она не успела закончить, потому что прозвенел звонок. Она сказала, что расскажет потом, но, видимо, забыла, а я решил не напоминать.

Когда я спросил у Макса, били его за двойки или нет, он взглянул на меня так, будто бы я задал самый дурацкий вопрос, который только можно выдумать.

— Ты дурак?

— Нет, — ответил я, и в тот же момент пообещал себе, что двоек получать все-таки больше не буду.

Еще дальше

Мы занимались тем же, чем и всегда — кидали камни в дерево. Звук был такой, что прямо-таки казалось, будто дерево радуется и веселится, казалось, это лучшая игра, которую оно когда-либо видело. Время от времени на дерево садились воробьи, которые разлетались в разные стороны, увидев, что в них летят летят камни. Они, недовольно защебетав, в ужасе улетали. Это забавляло меня не меньше, чем то, чем я занимался до этого: кидал камни в дерево. И тут у меня в голове вспыхнула интересная, как мне показалось, идея. Я подумал, что это шик и блеск: загреб ладонью кучу камней и швырнул в сторону ничего не подозревающей птицы, которая просто сидела и смотрела на огромный желудь... Я услышал болезненный писк, птица упала на землю и начала бешено извиваться, разгребая мелкие камешки под деревом. Я подбежал ближе, только теперь осознавая, что сделал. Птица оказалась ласточкой, это испугало меня еще больше. Когда-то у нас под крышей какая-то ласточка свила гнездо, и батяня категорически отказался его убирать. Он говорил, что этого делать нельзя, что это плохой знак. Птица все еще пыталась убежать, но ее крыло и лапка были перебиты и после каждого движения камешки под птицей окрашивались в алый цвет. Мне стало нехорошо. Я вспомнил, как отец говорил, что если навредить ласточке, — тебя будут преследовать несчастья и беды.

— Я не хотел, — произнес я, чувствуя, что слезы уже близко и видя, каким взглядом Макс смотрит на покалеченную птицу.

— Ей уже не поможешь, — спокойно сказал он, поднимая дергающуюся ласточку за здоровое крыло, — нужно..ну, чтоб она не мучилась, чтобы ей не болело...

— Теперь меня будут преследовать несчастья! — закричал я. Больше сдерживать слезы я не мог, они полились, словно кто-то открыл кран у меня в голове.

— Успокойся ты! — он положил птицу, стараясь не причинить ей лишней боли, — сейчас батяня прибежит из-за твоего крика.

Этого я боялся больше всего, поэтому каким-то образом мне все-таки удалось перекрыть кран и немного успокоиться, и теперь я просто всхлипывал. Я старался не смотреть на птичку, чтобы вдруг снова не разрыдаться.

Макс стал копать яму, разгребая камни под деревом. Птичку он отложил подальше, чтобы та лежала на травке и ни о чем не беспокоилась.

Докопав до пожелтевшей травы, он взял в руку большой камень и, подняв все еще дергающуюся птицу, аккуратно положил ее в яму. Ласточка не двигалась, казалось, у нее кончились силы. Мне снова стало нехорошо, мне было жаль, что мы ничем не можем помочь бедной птичке... Затем Макс поднял камень и резко опустил его птице на голову, раздался хруст, который стал моим ночным кошмаром, и птица застыла, словно превратилась в куклу. Хруст звучал так, будто кто-то сломал мою жизнь. Я стоял, не в силах пошевелиться.

— Я сделал все быстро. Об этом никто не узнает, кроме нас... значит, несчастья..их не будет... я сделал все как можно быстрее, она ничего не почувствовала... Ты ведь сам видел, быстро..так же?

Я кивнул, хотя из-за хруста в голове боялся даже открыть рот.

Затем Макс похоронил птицу, засыпав ямку камнями. Он сидел, рассматривая «могилу».

Воробьи, поняв, что им больше ничего не угрожает, снова расселись по веткам и стали тихонько щебетать. Мне хотелось прогнать их, чтобы...я очень надеялся, что они ничего не видели. И тут я заметил, что на самой верхушке нашего старого дуба сидит еще одна ласточка, она смотрела на меня. Макс продолжал рассматривать могилку, а я стоял, пораженный этим взглядом, который будто приколотил меня к земле. В какой-то момент мне показалось, что она вот-вот закричит или что-то скажет, но она просто улетела.

А воробьи по-прежнему что-то обсуждали.

Я присел на землю. Макс все еще возился с могилой, переворачивая камни, испачканные кровью. Он напоминал преступника, убийцу, который пытается скрыть следы своего ужасного преступления...моего преступления. Я не знал — благодарен ли я ему или ненавижу. Я решил не думать об этом. Мне захотелось перевести мысли в другую сторону, но как только я начинал думать о чем-то другом, воробьи, словно специально заводили песни и возвращали мои мысли обратно.

— Пойдем отсюда, — сказал я, удивившись тому, как твердо звучит мой голос. — Пошли в дом, пожалуйста.

Макс посмотрел себе под ноги и, убедившись, что там ничего нет и ответил:

— Пойдем.

Темнело. Окно в моей комнате выходило на задний двор, как раз на дуб. Я просто смотрел в ту сторону, боясь отвести взгляд от дерева. Макс стоял у меня за спиной и смотрел туда же.

— Может, нужно рассказать? — спросил я скорее сам у себя.

— Нет, — ответил Макс и я понял, что не стоит спорить.

— Вы здесь?

Дверь открылась и вошла мама. Создавалось впечатление, что она по-настоящему сияет от счастья. Если бы кто-то в этот момент взглянул бы на нас с Максом, он увидел бы нечто серое и помрачневшее. Но мама, похоже, ничего такого не заметила. Оно и к лучшему.

— Спускайтесь кушать, — сказала она и улыбнулась.

— Идем, — ответил Макс.

И я пошел, думая о том, что мне все равно никогда больше не захочется есть.

За ужином мама рассказывала нам о каком-то кухонном комбайне, который она увидела по телевизору и в который влюбилась с первого взгляда. Батяня постоянно кивал, поддакивая, хотя его взгляд был нацелен в маленький экран его смартфона. Макс сидел молча, вяло двигая по тарелке картофель. Есть не хотелось, но еще больше не хотелось, чтобы мама что-то заподозрила или чего хуже — начала расспрашивать. Не знаю, что бы я ответил. Но она болтала, ничего не замечая, а батяня все никак не мог оторваться от своего мобильного.

— Там сегодня показывали про экстрасенсов, — говорила мама, — и один такой талантливый попался. Он сразу все понял, понял, кто убийца. Может, записаться к нему как-то? — она вздохнула. — Времени бы побольше!

— Это точно, — добавил батяня, все еще пялясь в экран.

Мне было так плохо: в какой-то момент я даже подумал, что не выдержу и расплачусь. Кое-как запихнув в себя остатки ужина, я встал из-за стола, положил тарелку в раковину и сказал, уходя в комнату:

— Спасибо. Было очень вкусно.

— Пожалуйста! — крикнула мама, сияя еще сильнее, чем раньше.

Я закрыл дверь в комнату и повалился на кровать. Вошел Макс и тоже упал на свою. Наверное, он чувствовал то же, что и я, но говорить об этом не хотелось. Мы лежали молча, а затем он произнес:

— По-другому нельзя было, согласен? Мы ж не сделали ничего такого плохого?

— Наверное, — ответил я, чувствуя, что слезы где-то близко.

— Слушай, — сказал он после небольшой паузы, — достать тебе комиксы про зеленого фонаря? Я могу выкупить их и подарить тебе, чтобы не надо было возвращать.

— Нет, — ответил я, — мне больше не хочется читать комиксы.

Мне хотелось только одного — заснуть и проснуться через несколько дней, когда все это забудется. Когда я забуду тот дикий хруст.

— Спокойной ночи, — сказал Макс, отвернувшись к стене.

— Спокойной.

Сон стал неожиданностью. Я не понял, что заснул, пока меня не разбудило легкое, но настойчивое постукивание в окно. Чтобы разглядеть что это: ветка, колышущаяся от ветра или еще что-то другое, мне пришлось включить лампу, стоящую около кровати. Стук продолжался, но я все равно не мог ничего разглядеть. Я взглянул на Макса, он спал и, похоже, ничего не слышал. Но стук становился все громче. И тут, в самом углу окна я смог разглядеть кое-что... это была птица, которая шаталась вперед-назад, цепляя стекло клювом.

Я не испугался только потому, что мне казалось, это просто сон, я все еще сплю. Но я не проснулся, когда ущипнул себя за руку, и только тогда я испугался по-настоящему. Птица продолжала стучать, раскачиваясь туда-сюда, словно какая-то игрушка, которую завели и оставили у меня за окном. Я попытался. Мне хотелось закричать, но голос исчез, как в кошмарном сне. Я добрел до кровати Макса, потряс его за плечо, и в этот момент окно разлетелось вдребезги, а в комнату влетела большая серая птица. Я закричал так громко, как не кричал никогда.

Птица носилась по комнате, переворачивая все подряд. Она врзалась в стены и вела себя так, словно была слепой.

На мой крик прибежала мама, а за ней забежал и отец.

— Что такое? Что случилось?!

— Я не знаю... — произнес Макс, глядя заспанными глазами на то, как птица носится по комнате.

— Она разбила стекло! — заорал я. — Она хочет отомстить!

Отец, не обращая внимания на мои слова, попытался поймать птицу, но та, почувствовав, что к ней кто-то прикасается, подпрыгнула и попыталась улететь. У нее ничего не получилось и она, ударившись в стену, рухнула в осколки. Тут отец накрыл ее руками и крепко прижал к полу. Но птица больше не пыталась улететь, казалось, у нее не осталось сил.

— Она слепая, — произнес отец, — бедняга... и что с ней теперь делать?

Это был голубь грязно-белого цвета.

Я подошел ближе, стараясь не наступить на стекло. Взглянув на птицу, я понял, что она была не только слепой, у нее вообще не было глаз. «Что тебе нужно? — подумал я». Я посмотрел на Макса, он тоже был напуган.

— Это просто кошмар, — произнесла мама и ушла. Она вернулась спустя мгновенье, держа в руках совки и веник. — Отойди, — сказала она все еще стоящему на том месте отцу и начала подметать.

Кошмар, подумал я.

Еще дальше

Более менее я отошел недели через три. Перестал думать об этом, вернее перестал думать об этом постоянно. Отец сказал, что той же ночью, когда голубь решил влететь в наш дом, он отвез птицу за город и выпустил. Я спросил тогда:

— А если он не сможет жить в новом месте?

— Ты слишком переживаешь, — сказал он равнодушно, — я думаю, он не пропадет. Сказал это и ушел, словно пытаюсь убежать от вопросов, которые я мог задать.

Я не был уверен, что голубь выживет, но старался об этом не думать. Но как только я пришел в норму что-то произошло.

Мы были на заднем дворе. Я и Макс. Как всегда. Я просто лежал на траве, рассматривая облака, пытаюсь отыскать что-то более интересное, чем зайчик или индеец с трубкой мира; а Макс сидел на кресле, которое вытащил из дома и читал какой-то комикс с каким-то роботом на обложке. У Макса на телефоне играла музыка, что-то не очень красивое и не очень музыку напоминающее, но она не раздражала меня. Все было хорошо. Я лежал, время от времени чихая, когда солнце выглядывало из-за тучи и резко било в глаза. Мне это нравилось. Но внезапно я услышал пение птиц. Они пели и до этого, но раньше их пение сливалось со всем вокруг, и я его не замечал. Воробьи, будто, напуганные диким зверем, сбились в кучу на ветке и затрещали в один голос, словно пытаюсь отпугнуть того несуществующего зверя. Я приподнял голову и увидел. Под деревом, где шумела куча воробьев, сидела грязно-белая птица. Она двигалась странно, то и дело спотыкаясь о камни, а один раз она даже ударилась о дерево. Я разглядывал ее, смотрел как она двигается и внезапно до меня дошло — птица слепая. Это был тот же голубь.

— Макс! — крикнул я не слишком громко, чтобы не спугнуть птицу, но так, чтобы он меня услышал. — Макс, смотри! — я показал пальцем на голубя, который вдруг начал разгребать камни своими лапками.

Не знаю, почему и как я об этом догадался, но я был уверен, что это та же птица, влетевшая в наше окно. Она ходила по «могиле», словно пыталась что-то отыскать. Мы в ужасе смотрели на происходящее, оба отлично понимая, что именно она ищет.

— Кыш отсюда! — заорал Макс, подбегая к дереву. — Пошла вон!

Слепой голубь резко поднялся в воздух и, громко захлопав крыльями, улетел, ловко огибая все препятствия... Но не успел я успокоиться, как он вернулся, сел на могилу и начал разгребать камни лапками. Ни я, ни Макс не решились подойти к нему ближе, было в нем что-то пугающее.

— Пошла вон! — закричал Макс снова, но уже не так громко. Теперь его голос звучал не так твердо, я понял, что он испугался. Но птица не реагировала, казалось, она не только слепая, но и глухая. И здесь я заметил еще кое-что. На самой верхушке дуба было небольшое гнездо. Я никогда не замечал его раньше, и я был уверен, что оно появилось недавно.

— Смотри, — сказал я Макс, указывая на гнездо. — Ты видел его раньше?

— Нет.

Около гнезда сидела ласточка. Она не двигалась, и создавалось впечатление, что она смотрит на голубя, который все еще разгребал камни. Я хотел позвать отца. Или маму. Но что бы они сказали, узнав обо всем? А если бы они перестали меня любить, узнав, какие несчастья и беды я привлек на нашу семью? Эти мысли крутились в моей голове, как этот ужасающий аттракцион, на котором Макс должен был сойти с ума. Внезапно голубь поднялся в воздух, и в клюве у него было тело убитой нами ласточки. Это произошло так быстро, что я даже не успел ничего понять, не успел даже испугаться как следует.

Слепой голубь поднялся к самой верхушке дерева и аккуратно, как бы с любовью, уложил мертвую птицу в гнездо. А затем улетел. Я видел неподвижное тело, крыло, измазанное засохшей кровью. Тогда я не понимал, что возможно вижу самую

удивительную вещь в своей жизни, тогда я думал только об одном — что родители могут увидеть крыло и могут обо всем догадаться.

Макс спросил:

— Ты ведь тоже это видел?

Его голос звучал так, будто он открыл шкаф и увидел там привидение.

— Да. — еле слышно произнес я. Мой голос звучал точно так же.

— Что им нужно от нас?! — закричал Макс. Его лицо стало другим, оно превратилось в какую-то озлобленную и разъяренную гримасу.

Он подбежал к дереву и начал на него взбираться. Я пошел за ним, не совсем понимая, что он собирается делать. Я тоже полез на дерево, используя глаз дуба как ступеньку. Макс был уже высоко, и мне хотелось догнать его. Но он поднимался слишком быстро, будто окрыленный злобой. Откуда она взялась? Я не понимаю и до сих пор.

— Подожди! — закричал я. Но он не слушал или не хотел слушать. Он был почти у гнезда. И тут раздался оглушающий хруст. Макс ухватился за ветку, на которой лежало гнездо, но та не выдержала и сломалась. Я не успел даже закричать. Я опустил голову — Макс лежал лицом вниз на камнях под деревом, свернувшись в какой-то неестественной позе. Камни, на которых он лежал, в тот же момент окрасились в красный цвет. В ушах звенело.

Макс не двигался. Не двигался и я.

— Макс, ты слышишь?

Я хотел спуститься, но боялся. Мои руки тряслись, а сердце словно перестало биться.

Потихоньку я начал спускаться, поглядывая на Макса. Он так же лежал, не двигаясь. Двигалось только красное, почти черное пятно под ним. Словно кто-то открыл кран... Рядом с ним, буквально в двух шагах лежало гнездо. А возле него — убитая нами птица.

Оказавшись на земле, я, трясаясь от страха, подошел к Максиму и попытался перевернуть его на спину. Это был кошмар. Его лицо было залито кровью, которая сочилась из огромной раны на лбу. Я не боялся крови, во всяком случае тогда. Меня пугало только то, что я не понимал, дышит ли мой брат или нет.

— Макс! Ты слышишь? — спросил я еще раз, в этот раз очень сильно надеясь получить ответ.

Ответа не было. Я услышал только одно — щебетание у себя над головой.

Еще дальше

Я знаю одного ребенка, который до смерти боялся собственной тени. А еще когда-то я познакомился с мальчиком, которого пугало его отражение в зеркале. Если дети пугаются даже таких вещей, то можете себе представить, что происходило со мной после всего этого. Все вокруг казалось мне чужим, каким-то незнакомым.

На мой крик выбежала мама, за ней прибежал и отец. Я все еще не мог понять, дышит ли Макс. Мне казалось, что происходящее меня не касается.

Он не двигался. Двигалось только красное пятно, которое расплывалось и становилось все больше. Мама больше не сияла, как раньше. Она выглядела так, словно постарела сразу на сорок лет.

В больнице было страшно. Я ждал маму, сидя с трясущимся отцом. Она все не появлялась и не появлялась, и мне приходилось просто сидеть. Я смотрел на людей, которые проходили мимо. Удивительно, но некоторые из них выглядели счастливыми,

некоторые даже смеялись. Мне казалось, что трагедия одного человека — трагедия всего мира, но это было не так.

— Все будет хорошо. — тихо произнес отец, пытаясь меня успокоить. Но я в этом не нуждался, вернее нуждался меньше, чем он сам. Я и так знал, что все будет хорошо. По-другому и быть не могло. И я ответил:

— Я знаю, папа.

Когда Макса аккуратно уложили в носилки и унесли в машину скорой помощи, я обрадовался, потому что понял — он дышит. Я смотрел на красное, почти черное пятно на камнях, и удивлялся тому, что у человека может быть так много крови. Даже птицы, кажется, сочувствовали. Они пели как-то иначе. Или мне просто так показалось?

Мамы все не было. Отец попросил меня тихо посидеть, а сам куда-то ушел. В другой день, я бы перепугался до ужаса, но тогда я просто ответил:

— Я подожду.

Я ничего не боялся. Ни того, что остался один среди больных, незнакомых, несчастных и счастливых людей, ни того, что могло случиться с Максом. Я просто витал где-то в космосе, разглядывая скопления галактик.

— Ничего не ясно. Никто ничего не говорит. — сказал отец каким-то механическим тоном, расхаживая туда-сюда. — Ну разве можно так с людьми?

Я не знал значения слова «кома». Когда какой-то человек, наверное, врач, сказал, что Макс упал в кому, я подумал, что он упал в шахту лифта, когда его пытались отвезти в операционную. Врач говорил таким тоном, словно случившееся — обычная вещь. Наверное, для него так оно и было. Тяжелая травма черепа, перелом... что-то такое. Эти слова ни о чем мне не говорили. Я просто их не понимал. Травмы очень серьезные, говорил он, нужно ждать, пока он выйдет из этой проклятой шахты лифта.

— Нужно ждать. — повторил он сочувственно и ушел.

Доктору было лет пятьдесят, могу представить, сколько раз в своей жизни он говорил эти слова.

Когда он ушел, мама села на пол и заплакала. А отец просто стоял рядом и смотрел вслед стремительно удаляющегося доктора. Я стоял как бы в стороне от всего этого. Не знал, как я должен реагировать. Но я тоже начал плакать, потому что мне стало жаль маму, жаль папу, жаль Макса... Так продолжалось долгое время.

Мама все плакала.

— Так, — негромко сказала мама, поднимаясь, — вам пора домой. Приедете утром.

Она стояла, держась за стену.

Отец запротестовал, сказав, что никуда не поедет, но мама спокойно ответила, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы спорить.

— Хорошо, — согласился он, — мы приедем завтра утром. Он поцеловал ее в губы и мы ушли.

Ночью я долго не мог уснуть. А когда засыпал, что-то словно вырывало меня из сна. Я просыпался и звал Макса, забывая о том, что случилось днем.

— Ты слышишь? — спрашивал я. — Ты слышишь, Макс? Но, не получав ответа, отворачивался к стене и пытался вернуться в сон. Получалось плохо. В голове была настоящая каша, ничего конкретного, просто куча всего.

Сон опять стал неожиданностью.

— Вставай, сына.

Я открыл глаза, посмотрел в окно — уже светило солнце.

— Что случилось? — спросил я.

— Я еду в больницу, — ответил отец. — Ты пока спи, а чуть позже придет бабушка Катя, приготовит тебе завтрак и немного посидит здесь, ладно?

Я не совсем понимал, о чем он. Зачем нужна бабушка Катя, если со мной может посидеть Макс? Макс. Я посмотрел на его кровать и события, произошедшие вчера вспыхнули, как спичка, и пронеслись у меня перед глазами. Тогда я впервые по-настоящему испугался, но ничего не сказал.

— Я поехал. — сказал отец, выходя. — Я позже позвоню, будь в доме.

Он ушел, а я все сидел на кровати, пытаюсь понять, что все это значит, и что делать лично мне?

Я поднялся, и просто пошел на улицу, на задний двор. Я смотрел на дерево, не очень понимая, почему я сюда пришел. Я просто смотрел на камни с засохшей на них кровью и мой детский ум не мог тогда осознать насколько все серьезно. Воробьи все так же сидели на ветках, трещали свои песни и для них этот день ничем не отличался от вчерашнего, и ничем отличаться от завтрашнего не будет. Как им повезло, подумал я.

— Вот ты где!

Я повернулся и увидел, что ко мне, добродушно улыбаясь, ковыляет бабушка Катя. Она была очень старой, кто-то даже, може, сказал бы, что она была ветхой, однако двигалась бабуля быстро.

— Господи ты боже мой! — воскликнула она, увидев кровь на камнях. — Пойдем отсюда, деточка! Нечего смотреть на этот кошмар.

Я не возражал.

Потом я сидел, смотрел телевизор, а бабуля что-то лепила на кухне, время от времени бросая на меня сочувствующие взгляды. Я старался не обращать на нее внимания. По телевизору шла передача о каких-то гусях, которые жили на высоких горах. Показывали, как маленькие гусята впервые спускались вниз. Они просто спрыгивали, надеясь, что выживут. Удивительно, но многие выживали. Я не знал, что об этом думать и как к этому относиться.

— Про природу смотришь? — спросила бабуля, немного отвлекаясь от своих дел.

— Ага. — ответил я и выключил телек.

Я ждал звонка. Но телефон молчал. Несколько раз я даже подходил к трубке, проверяя есть ли гудки. Все было в порядке. Потом я закрыл глаза и тихо прошептал: «Великий всемогущий бог, если ты слышишь меня, то, пожалуйста, сделай так, чтобы телефон зазвонил. Аминь». Открыв глаза, я стал ждать. По-прежнему ничего не происходило. Телефон оставался немым.

В какой-то момент, когда я сидел у телефона и ждал, мне вдруг захотелось рассказать бабуле об убитой ласточке... но я боялся. Боялся, что родители просто возненавидят меня. Поэтому я просто продолжил ждать звонка.

И сон опять стал неожиданностью.

Я сидел на деревянном мостике, разглядывая удивительный пейзаж, открывавшийся передо мной. Мост слегка покачивался, убаюкивая меня. И я лег спать во сне, а когда все-таки, ворочаясь, уснул, то открыл глаза и увидел мамино лицо. Она не сияла.

— Привет. — сказал я.

— Привет, сыночек.

Я хотел спросить, где папа и Макс, но передумал. Ей не очень хотелось говорить. Я посмотрел на кухню — бабуля исчезла.

— Сыночек, — вдруг произнесла она, — как это произошло?

Спросила и посмотрела на меня, полными слез глазами.

Раньше мне казалось, что если кто-то спросит, я ни за что в жизни ничего не расскажу, не произнесу ни слова. Но я посмотрел на нее, а в следующий момент, заливаясь

слезами, рассказал все, начав с убитой ласточки. Она ничего не ответила, а просто крепко обняла меня и не отпускала целую вечность. Я ничего не понимал.

— Сегодня он открывал глаза. — с легкой улыбкой сказала она. — Хочешь завтра вместе со мной сходить к нему?

— Хочу! Конечно, хочу!

Я ждал завтрашнего дня, как никогда раньше.

Еще дальше

Я был рядом, когда он открыл глаза. Мы были рядом. Мы стояли возле его койки, слушая медицинскую симфонию, создаваемую этими аппаратами и приборами. Если бы не она, здесь было бы тише, чем в подzemелье. Когда он открыл глаза, мама охнула. Она приблизилась поближе, почти вплотную, схватит его за побелевшие руки.

— Максим, — прошептала она, словно боялась его разбудить, — это мы, Маским. Ты слышишь?

— Максим, — добавил отец чуть громче. — Ты меня слышишь?

Он не реагировал. Его глаза были открыты, но они казались какими-то мутными, как запотевшее стекло.

— Макс, — произнес я, приближаясь к нему, — это я. Ты слышишь меня, Макс?

— Тише, — шепнула мама, обнимая меня.

Никакого ответа. Он смотрел в потолок, будто увидел там что-то такое, отчего никак не мог оторваться. Внезапно его губы зашевелились, он открыл рот, но ничего не сказал. У него не получилось. Мама начала всхлипывать и отец сильнее прижал ее к себе.

— Что, Максим? Что ты хочешь сказать?

Его губы по-прежнему шевелились, будто он уже разговаривал, но очень-очень тихо.

— Б...бо... — еле слышно проговорил Макс.

Я посмотрел ему в глаза, но они все так же ничего не выражали.

— Тебе больно, сыночек? У тебя что-то болит, Максим? — мамин голос звучал как тонкая струна, готовая в любой момент разорваться.

— Бо. — более-менее четко сказал Макс. — Бо.

Мне стало нехорошо. Голова закружилась, и во рту появился неприятный металлический привкус. Перед глазами стояли те ужасные кадры, весь тот кошмар. Это было так, будто бы кто-то впихнул в мою голову видеомэгнифон, а кассета была только одна.

— Бобо. — повторил Макс. Он не двигался, просто лежал и повторял это слово, словно надеялся, что мы что-то ответим на это. Но я не понимал, что это такое, не знал, что я должен был ответить. — Бобо. — повторил он еще раз.

Родители молчали. Мама еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Получалось не очень.

Макс опять закрыл глаза и я испугался, что он уснет. Мне хотелось посидеть с ним еще, я ведь столько времени уже не говорил с ним.

— Он уснул? — спросил я, стараясь говорить как можно тише, чтобы не разбудить Макса, если окажется, что так оно и есть.

— Бобо. — ответил Макс и снова открыл глаза.

Это было жутко. Его лицо по-прежнему не выражало совершенно ничего.

— Максим, — сказала мама, больше не пытаясь сдерживать слез, — любимый, что ты хочешь сказать? Не притворяйся, пожалуйста, Максим, не пугай нас!

— Бобо, — ответил он.

Отец выбежал из палаты, но уже через секунду вернулся, ведя с собой того доктора, что рассказывал о шахте лифта, то есть, о коме. Он подошел к Макс, попросив маму с папой отойти. Я тоже отошел и стал рядом с ними.

— Максим, — холодным тоном произнес доктор, — ты знаешь, где ты?

Какое-то время Макс молчал, словно собирался с мыслями, а затем ответил:

— Бобо.

— Молодец, Максим. А ты знаешь, почему ты здесь?

— Бобо. — сразу же ответил он. — Бобо! Бобо!

— Тише-тише, Максим, не нужно волноваться.

Затем он отошел от Макса и попросил родителей выйти с ним для какого-то разговора. А я остался, чтобы присмотреть за Максом.

Их не было целую гору времени. Мне было так страшно, словно я остался в комнате не со своим братом, а с каким-то оборотнем из тех комиксов, что он постоянно читал.

— Бобо, — все повторял он. А я не мог ничего ответить. Я не узнавал его. Не понимал, что он говорит или хочет сказать, и это пугало меня еще больше.

Я отошел от него, подошел к полуоткрытому окну и посмотреть на мир. Казалось, это был самый солнечный день в истории, самый яркий день в моей жизни. Это не укладывалось в моей детской голове. Как эта комната, палата, может быть такой мрачной и темной, когда весь мир сияет от радости?

— Бобо... Бобо! — слышалось за моей спиной, но я старался не обращать внимания. Макс повторил это слово еще несколько раз и затих. Я оставил прекрасный день за окном и снова подошел к брату. Его глаза все так же были закрыты, казалось, он просто внезапно уснул. Я не стал его будить, хотя мне очень хотелось с ним поговорить, мне хотелось, чтобы он знал, что я все рассказал маме, и что она не злится. Мне хотелось поскорее уйти отсюда. Но мамы и папы все не было. Я подумал о том, что доктор, вероятно, рассказывает им о лекарствах, какими теперь нужно кормить Макса, рассказывает о правильном питании и здоровом сне, а родители просто стоят и кивают головами, внимательно его слушая. Может быть, отец что-то записывает в свой блокнотик с ястребом на обложке. Они вошли в тот момент, когда я уже не надеялся их увидеть. Доктора с ними не было. Мама плакала, и я подумал о том, что если бы отец не придерживал ее за руку, она бы упала на пол. Она подошла к Макс и снова взяла его за руку. Теперь он лежал с закрытыми глазами и молчал. И я не мог, опять не мог понять, дышит ли мой брат? Но если бы он прекратил дышать, эти приборы, стоящие вокруг его кровати, разве они не начали бы пищать по-другому?

Пока я был там, он больше не открывал глаз. Спустя какое-то время мама сказала:

— Езжайте пока домой. Приедете завтра.

Отец не стал спорить.

Мама опять взяла Макса за руки.

Очень жаль, что тогда я не понимал, что такое отчаяние. Не знаю, что бы изменилось, если бы я понимал, но сейчас я уверен — это было именно оно. Написано огромными буквами на наших лицах. В тот раз мы, как и несколько раз до этого, стояли вокруг его постели. Мама по-прежнему держала его за руки, а отец, как и всегда, стоял рядом и держал ее за талию, будто боялся, что она может упасть. Я стоял с другой стороны. Молчали. Потому что боялись, что Макс будет отвечать. Мне хотелось что-то спросить, но я знал, что мама будет плакать, поэтому просто молчал.

Время от времени приходил тот доктор и несколько других врачей. Они говорили мало, просто смотрели Максу в глаза, тот либо вообще не реагировал, либо отводил взгляд в сторону.

— Как ты себя чувствуешь, Максим?

— Бобо. — шептали тонкие, посиневшие губы.

Мама всхлипывала. А отец обнимал ее еще крепче. Иногда отцу все-таки удавалось уговорить маму, чтобы та спустилась с ним на первый этаж и хотя бы немного перекусила. Когда ему это удавалось, я оставался с Максом. Мне было не по себе. Я отходил от его постели на несколько шагов, от страха тряслись колени, и я дрожащим голосом спрашивал:

— Ты слышишь меня, Макс?

Некоторое время он молчал, словно рассуждая, стоит ли мне отвечать.

— Бобо. — говорил он. — Бобо...

— Ага, Бобо...

Я не совсем понимаю, чего именно я боялся. Просто боялся. Не понимал, не узнавал своего брата.

Он лежал, не двигаясь. Просто не мог, как я понял чуть позже.

— Ты слышишь меня, Макс?

— Бобо... Бобо?

— Ага, — отвечал я, чуть успокоившись, — все верно. Бобо.

Если родителей не было слишком долго, я начинал переживать, как и всегда, думая о том, что они оставили меня. Я понимал, что этого не может быть, но все равно боялся. В тот раз их не было дольше, чем обычно.

Молчание. В этот раз оно длилось дольше, чем нужно... Я не знал, что спросить. Я отошел поближе к окну, посмотрел на мир, затем закрыл глаза и как можно тише, чтобы Макс не услышал, начал говорить:

— Дорогой всемогущий бог, если ты меня слышишь — а я очень надеюсь, что слышишь — я очень хотел бы попросить о чем-то по-настоящему важном. Макс, он очень плохо себя чувствует... я думаю, ты видел... так вот, дорогой всемогущий бог, пожалуйста, сделай так, чтобы Макс снова стал прежним... понимаю, раньше я просил тебя, Вас, о всяких пустяках, но сейчас это правда очень важно... — Я открыл глаза и чуть громче добавил: — Заранее спасибо! Аминь.

— Бобо. — ответил Макс, видимо, услышав мои последние слова.

Я подумал, что нужно немного подождать, ведь не может все произойти так быстро. Бог ведь не молодой, думал я, он ведь не может помочь мгновенно. А жаль. Нужно подождать. Хотя бы десять минуточек. Ну, или хотя бы пять минуточек. Вроде бы ничего не случилось, знаете, но сердце у меня тогда трепетало, как в тот день, когда Рита поцеловала меня в щеку на перемене за то, что я подарил ей криво вырезанную валентинку. Я ждал. Ждал, когда вернется мама, чтобы посмотреть, как она снова засияет, когда Макс поднимет голову и скажет: «Мне так надоело лежать, пойдёмте скорее домой!». Затем придет доктор и снимет с его лба пожелтевшую и позеленевшую повязку и скажет, обращаясь ко мне: «Ты большой молодец!». А я промолчу, потому что не люблю хвастаться, да и вообще никогда не любил.

Когда они вернулись, я по-настоящему обрадовался. Я видел их грустные и расстроенные лица и подумал, что смогу сделать их счастливыми. Я незаметно улыбнулся, подумав о том, как сильно изменятся их лица.

— Ты не голоден? — спросила мама.

— Нет! — ответил я, и чуть было не рассказал ей все, чуть было не испортил сюрприз.

— Бобо! — добавил Макс, вмешиваясь в разговор.

Это немного подкосило мою уверенность. Неужели, ему не хватило времени, чтобы все сделать, чтобы исправить все? Я решил подождать еще.

Снова молчали. Я смотрел в окно, пытаюсь скрыть свою радость, мне не хотелось, чтобы они о чем-то догадались раньше времени. Поэтому я смотрел на мир. Смотрел на деревья и людей, прогуливающих по территории больницы. Видел птиц и не боялся их. Видел черного голубя, который боролся с худющим псом за какой-то кусок чего-то, немного напоминавшего хлеб. Не боялся, так как знал, что вот-вот должно произойти что-то хорошее. Я посмотрел на родителей. Все было по-прежнему, разве только отец стал с другой стороны. Когда Макс закрыл глаза, я подумал, что вот, время пришло. Я подошел ближе к нему, стал так, чтобы он мог видеть меня и спросил:

— Макс, тебе уже лучше?

Я ждал ответа, затаив дыхание. Он молчал. Похоже, уснул как раз перед тем, как я решился задать вопрос. Мне показалось, что это к лучшему. Мне очень хотелось обрадовать маму. Но, подумал я, это может немного подождать.

Вот я и ждал.

Но время шло, а он все не открывал глаз. И вот в какой-то момент, отец наклонился ко мне и прошептал, что нам нужно уходить, пора домой.

Мама поцеловала его в губы, обняла меня и сказала:

— Увидимся завтра.

— Стойте! — почти что крикнул я. — Подождите, я хочу вам кое-что показать!

Я подбежал к постели Макса, подошел совсем близко и спросил:

— Макс, как ты себя чувствуешь?

Он не отвечал. Отец легонько потянул меня за плечо, сказав:

— Мне кажется, он хочет отдохнуть. Нам пора идти...

Я уходил, надеясь, что он заговорит. Но он молчал. Лежал с закрытыми глазами и молчал. Мама держала его за руки.

Я подумал, что нужно подождать еще немного.

Хватит

Я просыпался, протирал глаза и когда осознавал, где я, спрашивал:

— Макс, как ты себя чувствуешь?

Я и не заметил, как наша комната превратилась в больничную палату. Пахло здесь так же.

— Ты как, Макс? — все не унимался я.

Он, похоже, еще спал.

Сначала приходил отец.

— Привет. — говорил он. — Все нормально?

Потом заходила мама, держа в одной руке тарелку супа, а в другой — чашку теплого чая.

— Доброе утро. — говорила она так, чтобы все понимали — это не самое доброе утро. — Привет, Максим.

Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

— Бобо... — сонным голосом ответил он.

— Помоги мне, — просила мама отца.

Тот аккуратно усаживал Макса и придерживал его за спину, пока мама кормила его. После каждой ложки супа он тихо говорил:

— Бобо.

— Да, — соглашалась мама, — Бобо.

Я продолжал ждать. Знал, что нужно ждать. Я не любил смотреть, как он ест, поэтому обычно я одевался, брал свою еду и уходил на улицу. Сидел, жевал бутерброд и смотрел на дерево. Между камнями под дубом уже росла трава. Я больше не кидал камни.

Не хотел их кидать. Так было практически каждое утро. Потом я отставлял тарелку в сторону и шептал, сложив руки лодочкой перед лицом:

— Великий всемогущий бог, понимаю, что, наверное, я тебе уже надоел. Но мне просто показалось, что мои предыдущие сообщения не дошли...

— Ты здесь?

Я повернул голову и увидел отца, который приближался ко мне.

— Что делаешь? — спросил он.

— Ничего. Ем.

— Нам пора уходить. — сказал он. — Присматривай за ним. Я вернусь через два часа.

— Хорошо.

— Все нормально?

— Да.

Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел, и я мог спокойно продолжить.

— Ладно. Увидимся через два часа.

Я кивнул и отец ушел.

Затем я закрыл глаза и продолжил:

— Так вот... понимаешь, Макс, не очень хорошо. Я не понимаю, что он говорит, думаю, он сам не понимает. Ты ведь можешь ему помочь? Знаю, что можешь, иначе бы к тебе не обращались так часто, верно? Мне нужно просто подождать, правда? Я буду ждать. Аминь.

Я открыл глаза. На дереве сидели птицы, мне показалось, секундой ранее их там не было. В основном это были воробьи, прыгающие с ветки на ветку. Остальных птиц я не знал. Может быть, там были соловьи или еще что-нибудь? Кто разберет?

Потом я услышал кое-что. Развернулся, поднял голову и увидел, что под крышей у нас появилось небольшое гнездо, где сидела ласточка. Я просто стоял и смотрел на нее, а она смотрела на меня. Она не выдержала первой, выпрыгнула из гнезда и куда-то улетела. Я подумал, что здорово, раз ласточки не боятся лепить гнезда в нашем дворе. Может, они нас простили? Или просто не знают всей правды? Когда я уже собирался пойти в дом, ласточка вернулась в гнездо. Тут я услышал кое-что еще. Помимо звуков, издаваемых воробьями и другими птицами за спиной, было что-то еще. Что-то пищало, будто бы умоляя о помощи. Я испугался. Совсем на мгновение. Пока не понял, что звук исходит из гнезда у меня над головой. Там были птенцы. Может быть, всего один птенец, или их там было несколько? Я не видел. Просто знал, что они там.

Шик, подумал я, просто шик и блеск.

В доме тоже пахло, как в больнице. Я поднимался в нашу комнату, надеясь, что все-таки дождался. Я просто спрошу, как у него дела, и как он себя чувствует, а он поднимется на локтях, посмотрит на меня, как на полного дурака и ответит что-то вроде: «Нормально. Только лежать надоело».

Я вошел в комнату, закрыл за собой дверь, посмотрел на Макса. Он лежал и смотрел в потолок.

Я глубоко вздохнул, прошептал «пожалуйста» и спросил:

— Макс, как ты себя чувствуешь?